

Всё началось в тот день, когда он получил донесение от Теневой стражи: Правый канцлер при смерти и впал в беспамятство.

Прочитав отчет, Лэн Чэнь пришел в смятение. В его душе не было ни капли радости от того, что влияние императора пошатнется; напротив, он почувствовал лишь тревогу и беспокойство. Хуа Юйтан был таким почтительным сыном — как же он будет убиваться, узнав, что отец покидает этот мир? Опомнившись, Лэн Чэнь уже всю использовал технику легких шагов, изо всех сил спеша к резиденции Правого канцлера.

Лэн Чэнь не понимал, откуда в его ледяном, ожесточенном сердце взялось это сострадание. Да он и не хотел знать.

Он медленно подошел и осторожно, почти бережно, опустил ладонь на вздрагивающую спину Хуа Юйтана. Лэн Чэнь открыл рот, чтобы произнести слова утешения, но они словно застряли в горле — из груди вырвался лишь тяжелый вздох.

— ...Не убивайся так, — сухо проговорил Лэн Чэнь, совершенно не похожий на того красноречивого оратора, что блистал при дворе.

Хуа Юйтан резко открыл глаза. Омытые слезами, они казались удивительно чистыми, но в этой глубине, лишенной всякой тени, читалась скорбь всего мира. Сердце Лэн Чэня дрогнуло, и он невольно притянул юношу к себе.

Хуа Юйтан бросился в его объятия, тонкими руками крепко обхватив стройный стан Лэн Чэня, и затрясся от рыданий.

Лэн Чэнь не видел своего отражения, не видел, сколько нежности и трепета застыло в его взгляде, не осознавал, насколько глубокие и сильные чувства в нем пробудились. Он знал лишь одно: он хочет, чтобы человек в его объятиях всегда лучился чистой улыбкой, вдали от всех невзгод и печалей.

— Юйтан, мое настоящее имя — Лэн Чэнь, второе имя — Цзышу. Поступай ко мне на службу в Резиденцию маркиза. Пока я рядом, никто больше не посмеет смотреть на тебя свысока или обидеть.

Никто больше не позволит твоим глазам наполниться такой печалью.

— Пойдем со мной.

Хуа Юйтан поднял голову с груди Лэн Чэня. В его широко распахнутых глазах еще блеснули слезы, а во взгляде читалось неприкрытое изумление и испуг. Он с трудом высвободился из объятий и, съежившись, приготовился опуститься на колени.

— Маркиз... Маркиз, этот ничтожный...

— Тебе не нужно этого делать. — Лэн Чэнь почувствовал странную сухость в горле, а в сердце кольнуло — едкое чувство, подобно лиане, плотно оплело его душу.

Он знал, что его статус прочертит между ними непреодолимую пропасть. Он был к этому готов, но не ожидал, что этот день настанет так скоро и что ему будет... так больно.

— Я вырос в глубине дворцовых покоев, среди тьмы и бесконечных интриг. Благодаря титулу маркиза я купаюсь в роскоши и занимаю высокое положение, уступая лишь одному человеку. Но... ты — единственный настоящий друг, которого я обрел. Неужели теперь даже ты хочешь уйти от меня из-за моего происхождения? — На лице Лэн Чэня отразилась неприкрытая мука. Его прекрасное лицо, обычно излучающее беспечность, нежность и легкую иронию, в присутствии Хуа Юйтана впервые стало таким уязвимым и осторожным.

— Нет... это не так! — Хуа Юйтан, не успев вытереть слезы, торопливо замотал головой. — Я искренне считаю вас своим другом!

— Тогда называй меня Цзышу.

— Ох! — Хуа Юйтан издал жалобный всхлип от слез. — Но...

— Эх, я так и знал, — на лице Лэн Чэня отразились скорбь и разочарование. — Говоришь, что считаешь другом, а даже мое второе имя произнести не хочешь... Эх...

— Ох! — Хуа Юйтан поспешно затряс головой. — Я... я хочу! Ох!

Лэн Чэнь неотрывно следил за тем, как приоткрываются и смыкаются влажные розовые губы юноши.

— Цзы... Цзышу.

Лэн Чэнь больше не смог сдерживаться. Он заключил в объятия юношу с покрасневшими кроличьими глазами, который, продолжая жалобно икать, так старательно произносил его имя, — словно обнимал весь мир.

Юноша, спрятавший лицо на груди Лэн Чэня, не видел довольной, лукавой улыбки, скользнувшей по губам мужчины.

Вечный ветер, мимолетная луна — в это мгновение время замерло навсегда.

Девятый год правления Юнцзи, восьмой месяц, ночь. Кабинет в Резиденции маркиза.

Фитиль свечи издал громкий треск, который в ночной тишине прозвучал особенно резко. Колеблющийся бледно-желтый свет отбрасывал длинный силуэт мужчины на бумажную перегородку, отсекая его от густой тьмы за окном.

Лэн Чэнь подпер голову рукой, опираясь локтем о стол. Его волосы, черные, как тушь, рассыпались по плечам. Перед ним лежала пожелтевшая книга. Лэн Чэнь нежно касался страниц длинными изящными пальцами, выглядя настолько сосредоточенным, будто весь суетный мир и само время остались далеко за пределами его покоев.

Теневой страж, идеально слившийся с темнотой, едва заметно дернул щекой: господин застыл в этой позе уже целый час. Страница в книге так и не была перевернута, а на лице мужчины то и дело проступала глуповатая улыбка.

#Кажется, я узнал то, чего знать не следовало#

А сам Лэн Чэнь, сидевший за столом, пребывал в прекрасном расположении духа.

Три дня назад Правый канцлер скончался. Один из столпов императорской партии пал, и влияние сторонников трона было серьезно подорвано. Хотя вид Хуа Юйтана, убивающегося у гроба отца, заставлял сердце Лэн Чэня болезненно сжиматься, в груди росло чувство тайного удовлетворения: Хуа Юйтан будет служить ему, он скоро станет принадлежать ему целиком.

В тени глаз стража снова дернулся: господин опять глупо улыбается...

#Господин, куда делся ваш образ холодного, расчетливого злодея?! Почему ваш облик постоянно рушится?! Срочно, жду ответа онлайн!#

Внезапно из тьмы бесшумно выскользнула тень, в тусклом свете свечи выглядевшая особенно призрачно.

— Говори, — раздался ленивый голос Лэн Чэня.

— Господин, император издал указ... он призывает Хуа Юйтана во дворец для сопровождения государя.

Воздух словно застыл.

Лицо Лэн Чэня стало пугающим. В его черных зрачках разгорался глубокий гнев. Вся мягкость и беспечность, которую он проявлял рядом с Хуа Юйтаном, исчезли без следа. Мощное давление заставило стража, стоявшего на коленях, покрыться холодным потом.

— Он думает, я не знаю о его грязных помыслах!

— Как он посмел посягнуть на моего человека...

Погодите. Когда это он успел незаметно для самого себя включить этого юношу в свой круг защиты? Лэн Чэнь замолчал, безмолвно спрашивая себя: почему, как только кто-то начинает бросать на юношу алчные взгляды, он не может сдержать ярость? Для такого хладнокровного человека, как он, объяснение о простом «восхищении талантом» уже не подходило.

Лэн Чэнь закрыл лицо руками и тихо рассмеялся. Вот оно что. Вот оно что!

Только он осознал свои чувства, как этого юношу собираются у него отобрать?

Он не позволит. Он ни за что не позволит!

В глазах Лэн Чэня вспыхнула пугающая жажда крови.

Раз так, то старые чувства больше не имеют значения, Ваше Величество.

Из его горла вырвался низкий голос:

— Тень-семь, созывай Теневой отдел.

Северный сад Резиденции Правого канцлера.

В ушах Чжоу Бая раздался металлический звон.

— Дзинь! Месть за Правого канцлера (отравление) завершена, награда — 200 очков.

— Дзинь! Покорение Лэн Чэня завершено, награда — 1000 очков.

— Дзинь! Прохождение локации Резиденция Правого канцлера завершено. Открывается локация Императорский дворец. Пожалуйста, приготовьтесь.

Чжоу Бай полулежал в кресле, на его прекрасном лице играла невинная улыбка, а в глазах таилась тьма. Он изогнул губы в соблазнительной, опасной усмешке, порочной и манящей,

словно распустившийся цветок хиганбана, пропитанный ароматом крови.

[Императорский указ гласит: Я слышал, что Хуа Юйтан, третий сын рода Хуа, обладает чистотой помыслов и острым умом. Его добродетели достойны восхищения. Ныне, когда глава рода Хуа скончался в расцвете лет, Я, сострадая юноше, лишившемуся отца, повелеваю ему войти во дворец, дабы утешить его в скорби.]

Девятый год правления Юнцзи, восьмой месяц. Большая дорога.

Ночь была темной, как вода, тьма клубилась густыми красками. Высокое небо не озарял ни единый луч луны, лишь несколько звезд мерцали вдали холодным светом.

Прямая дорога, вымощенная синим камнем, уходила вдаль, в ночи она казалась окутанной легким лазурным ореолом.

К северу от дороги находились Ворота Чжуцюзэ. За ними, если повернуть на запад, была боковая калитка, а дальше на север — центр империи, дворец государства Яньцин.

Одинокие огни вдали, во дворце, то мерцали, то пропадали в темноте, делая дорогу еще более пустынной и тихой.

Внезапно тишину нарушили поспешные шаги. В ночи показался небольшой паланкин с синим пологом, который несли четверо, и стремительно направился на север.

У Ворот Чжуцюзэ слышались шепот, лязг металла и скрип дверных петель.

В бескрайней ночи звуки паланкина и торопливых шагов постепенно затихли. На дороге снова воцарилась тишина.

Дворец Цяньдэ.

Ночь становилась всё глубже. В Цяньдэ уже зажгли светильники. Юный евнух с безбородым лицом на цыпочках вошел в зал, осторожно приподнял шелковый абажур, чтобы сделать пламя ярче, и так же бесшумно отступил назад.

При тусклом свете свечей мужчина внимательно читал доклады. На нем не было парадного желтого халата с девятью драконами — лишь легкая домашняя одежда того же цвета. Из-за

летней жары его белоснежное нижнее белье было тонким и плотно прилегало к телу, подчеркивая рельеф груди.

Императору было около тридцати — самый расцвет сил. Его темные брови были слегка нахмурены, а в чертах лица читалось природное величие. Дрожащий свет свечей отбрасывал тени на его холодное лицо, которое было на треть похоже на лицо Лэн Чэня — казалось, оно покрыто вечными льдами.

Двери зала беззвучно отворились. Старший евнух подошел ближе, что-то тихо прошептал императору на ухо и, почтительно опустив голову, отступил в сторону.

Император встал, поправил полы халата и вышел.

Его холодный голос звучал подобно вековым ледникам:

— Во Дворец Чжунцуй.

Снаружи раздался тонкий голос евнуха:

— Выход Его Величества! — Эхо этих слов растворилось в ночи вместе с мерным шагом носильщиков.

Лэн Юй сидел в паланкине, подперев щеку рукой.

С тех пор как три месяца назад на банкете он увидел Хуа Юйтана, это прекрасное лицо не выходило у него из головы. Он никогда не был сластолюбцем и не интересовался фаворитами, но стоило ему вспомнить Хуа Юйтана, как внутри поднимался жар. Ему страстно хотелось прижать это хрупкое тело к себе и как следует [цензура]. С тех пор как эта мысль поселилась в его голове, даже любимая наложница Цзин перестала вызывать в нем желание.

Лэн Юй сглотнул, в его черных зрачках разгоралось глубокое пламя.

— Раз не могу отпустить, значит, нужно просто забрать.

Через четверть часа они прибыли во Дворец Чжунцуй. Изыщная глазурованная черепица, изогнутые карнизы — все здесь дышало сдержанной, но утонченной императорской роскошью.

Лэн Юй взмахнул рукой, запрещая евнухам докладывать о прибытии, а страже — падать на колени. Он широким шагом вошел во дворец.

Две служанки, стоявшие у входа, поспешно закрыли за ним двери.

Войдя в зал, Лэн Юй осмотрел обновленное убранство Дворца Чжунцуй. На столе из сандалового дерева стояла золотая курильница, по бокам висели свитки с каллиграфией знаменитых мастеров, а под ними — роскошные вазы. Было видно, что всё готовили с большим усердием. Лэн Юй медленно прошел во внутренние покои, где его взору предстала огромная кровать.

Дерево хуанхуали, резные столбики с изображением драконов. Многослойные полупрозрачные занавеси из тончайшего шелка. Нефритовая подушка и шелковое одеяло.

Но больше всего привлекал внимание юноша на кровати. Его лицо было бледным от ужаса, а по щекам текли слезы. Темные волосы, лишенные украшений, рассыпались по постели, создавая причудливый узор. Его маленькое личико, тонкое, как бумага, казалось еще белее и прозрачнее, словно нефрит. Кожа — лед, кости — нефрит, душа — аромат. Черты лица, точно на картине, были настолько чарующими, что у любого перехватило бы дыхание.

Взгляд Лэн Юя стал еще темнее, его охватил пожар страсти. Он почти нетерпеливо подошел к кровати, поднял рукой острый подбородок Хуа Юйтана, и его холодный, ледяной взгляд, полный захватнического огня, заскользил по лицу юноши.

— Развлеки Нас как следует.

Хуа Юйтан, чье лицо было залито слезами, вдруг одарил его кокетливой улыбкой и прошептал:

— Хорошо~

Император, пораженный такой переменой, почувствовал неладное и попытался использовать внутреннюю силу, но обнаружил, что она застыла, а Дантянь словно онемел. Его тело обмякло, и он рухнул на пол. Лицо Лэн Юя исказилось от ужаса:

— Ты не Хуа Юйтан.

Хуа Юйтан прикусил губу, его лицо снова стало невинным:

— Как же я могу быть не Хуа Юйтаном?

Он облизнул длинный кончик пальца, прищурил узкие глаза, и на его алых губах заиграла опасная, дьявольская усмешка.

— Твое поведение меня огорчило~ И этот паланкин, и этот дворец наложницы. — Хуа Юйтан нахмурил брови, его густые ресницы опустились, придавая лицу выражение невинного замешательства. — Я не люблю огорчаться.

— Так что теперь ты будешь отвечать за то, чтобы меня развлечь~

Глаза Хуа Юйтана искрились весельем.

#Гасим свет#

В последнее время во дворце и за его пределами стояла пугающе гнетущая атмосфера. Обеспокоенные министры подали сотни прошений, но те словно канули в воду. Маркиз, казалось, перебил все чашки в доме, а слуги в его резиденции ходили как в воду опущенные. Фарфор во дворце наложницы Цзин менялся бесчисленное количество раз. Над дворцом Вдовствующей императрицы сгустились тучи.

С тех пор как император забрал Хуа Юйтана во дворец, он уже месяц не появлялся на аудиенциях. Он даже не выходил из Дворца Чжунцуй, предаваясь ночным пирам с первой красавицей империи. Лишь еда и вода для купания регулярно вносились внутрь.

Вся страна скорбела по когда-то мудрому правителю и скрежетала зубами от ненависти к «разрушительнице государства». — *Ночи коротки, а солнце высоко, с тех пор государь не ходит на утренние аудиенции*. Это было точным описанием ситуации, только вот император не просто опаздывал, он вообще перестал править.

Во Дворце Чжунцуй.

Чжоу Бай удовлетворенно прищурился. Его тело источало ленивую негу после любовных утех, а недавняя разрядка помогла избавиться от всего накопившегося в этом мире раздражения.

Он наклонился, разглядывая потерявшего сознание императора. Его стройное, крепкое тело было покрыто синяками, следами укусов и отпечатками пальцев. Длинные ноги императора едва могли сомкнуться, а на прекрасном холодном лице застыли слезы. Губы были искусаны до крови. Чжоу Бай провел пальцами по влажной коже императора, с удовлетворением слушая его бессознательный стон.

— На самом деле, всё в точности как в сюжете, не так ли? Те же ночи, перевернутые вверх дном, те же пиры.

Только вот роли поменялись местами. Улыбка Чжоу Бая стала еще шире.

Теперь пора переходить к следующему акту.

— Наложница Цзин, Вдовствующая императрица, надеюсь, вы готовы.

Чжоу Бай улыбался всё ярче, но в этой улыбке не было ни капли тепла.

Императорский сад.

Благоухали цветы, плакучие ивы покачивались на ветру, зеркальная гладь озера отражала лазурь неба.

Вдоль берега вилась узкая тропинка, усыпанная галькой. Под ивой, свернувшись калачиком, сидел юноша в простой одежде, уткнув лицо в колени и дрожа от рыданий.

Вдруг мелькнула тень. Кто-то ловко ударил юношу по шее, быстро подхватил обмякшее тело и в одно мгновение исчез.

Озеро продолжало тихо плескаться под лучами солнца.

<http://bllate.org/book/19864/1955436>